Новая криминальная реальность как результат новых социально-экономических условий развития России*

Ситковский А.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник отдела изучения социальных процессов
и разработки комплексных проблем обеспечения правопорядка
научно-исследовательского центра Академии управления МВД России
E-mail: sitk-andrej@yandex.ru

Латов Ю.В.,
кандидат экономических наук, доктор социологических наук, доцент,
главный научный сотрудник научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН
E-mail: latov@mail.ru

Аннотация. *Дана общая характеристика долговременных изменений криминальной ситуации в России 2000–2010-х гг. По аналогии с понятием «новая экономическая реальность», используемым для характеристики современных условий национального хозяйственного развития, предложено понятие «новая криминальная реальность». Речь идет, с одной стороны, о завершении преодоления катастрофических последствий трансформационного кризиса 1990-х гг. (возвращение криминальных убийств к уровню 1980-х гг., спад угроз терроризма), а с другой стороны, — о росте значения новых криминальных вызовов и угроз. Важнейшие среди этих новых вызовов и угроз — киберпреступность, преступность мигрантов и институциональная коррупция. Подчеркнута экономическая детерминированность новых криминальных угроз и вызовов, рост которых связан не столько с провалами деятельности МВД, сколько с системными трансформациями социально-экономических институтов в России и во всем мире. В статье использованы данные ведомственной статистики МВД России.*

Ключевые слова: *преступность, факторы преступности, криминологическая ситуация, «новая криминальная реальность».*

Великий российский писатель-историк Н.М. Карамзин еще два века назад в «Истории государства Российского» отметил, что главной задачей любого социального института является обеспечение личной безопасности людей и защиты их прав собственности («главная цель общежития есть личная безопасность и неотъемлемость собственности»). Именно эти два фундаментальных условия национального благополучия являются главными направлениями деятельности правоохранительных органов во всех странах современного мира, включая и Российскую Федерацию.

Когда в 1990-е гг. угрозы личной безопасности россиян и их собственности росли, это справедливо воспринималось как главный «провал» политики радикальных социально-экономических реформ. Однако в 2000–2010-х гг. криминологическая ситуация начала качественно меняться. С одной стороны, удалось переломить некоторые наиболее опасные криминальные тенденции. С другой стороны, актуализировались новые проблемы, которые ранее имели гораздо меньшее значение и которые во многом связаны с общемировыми трендами социально-экономического развития.

1. Успехи 2010-х гг. в обеспечении общественной безопасности

Прежде всего, следует подчеркнуть, что за последние пять лет уровень *личной безопасности россиян существенно вырос* — вырос в сравнении не только с 1990-ми, но и в сравнении с гораздо более спокойными 2000-ми годами.

Прежде всего, отметим, что за 2006–2014 гг. *общее количество зарегистрированных преступлений сократилось* в России почти вдвое — на 44%[1]. Правда, в минувшем 2015 г. и в первом полугодии текущего года снова начался их некоторый рост, связанный в основном с последствиями экономического кризиса. Тем не менее, следует констатировать, что преступность в стране стабилизировалась на существенно более низком уровне, чем десятилетие назад (рис. 1).

Важно подчеркнуть, что наблюдается долговременное *снижение* уровня наиболее опасных для граждан *преступлений против жизни и здоровья россиян* (рис. 2). В течение последнего десятилетия неуклонно сокращались зарегистрированные убийства. По данным Росстата, в прошедшем 2015 г. произошло менее 12 тыс. убийств. Это не только почти в 4 раза ниже, чем в 1994 г., когда был зафиксирован максимальный за всю историю РФ уровень — 47 тыс.

* Авторы статьи выражают глубокую благодарность своим коллегам из Академии управления МВД России и ВНИИ МВД России, которые оказали существенную помощь в сборе материалов для данной статьи.

[1] Здесь и далее без специальных ссылок используется ведомственная статистика МВД России. Безусловно, как и любая ведомственная статистика, она имеет свои «подводные камни» и «узкие места», однако в данной статье эти тонкости не рассматриваются, предполагается, что ведомственная статистика в основном правильно отражает реальную действительность.

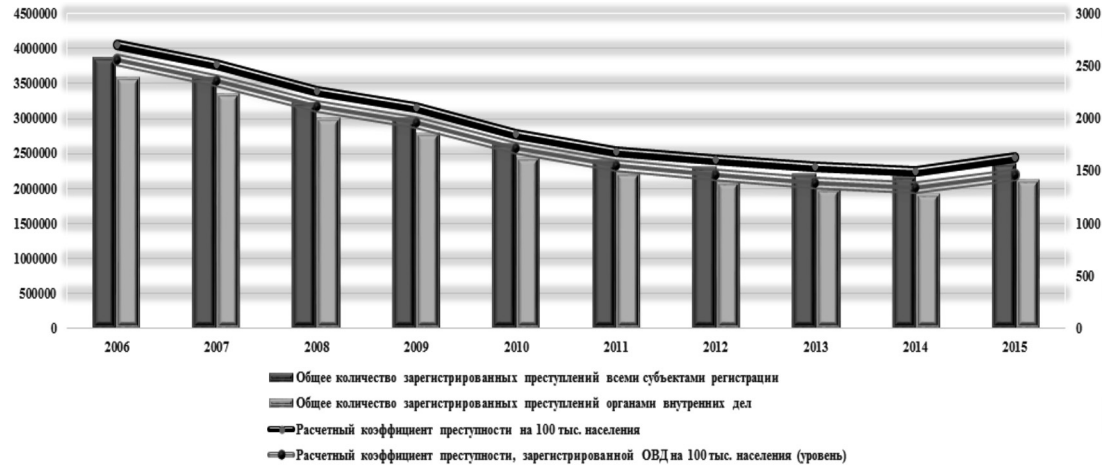

Рис. 1. Динамика общего количества зарегистрированных преступлений в 2006–2015 гг.

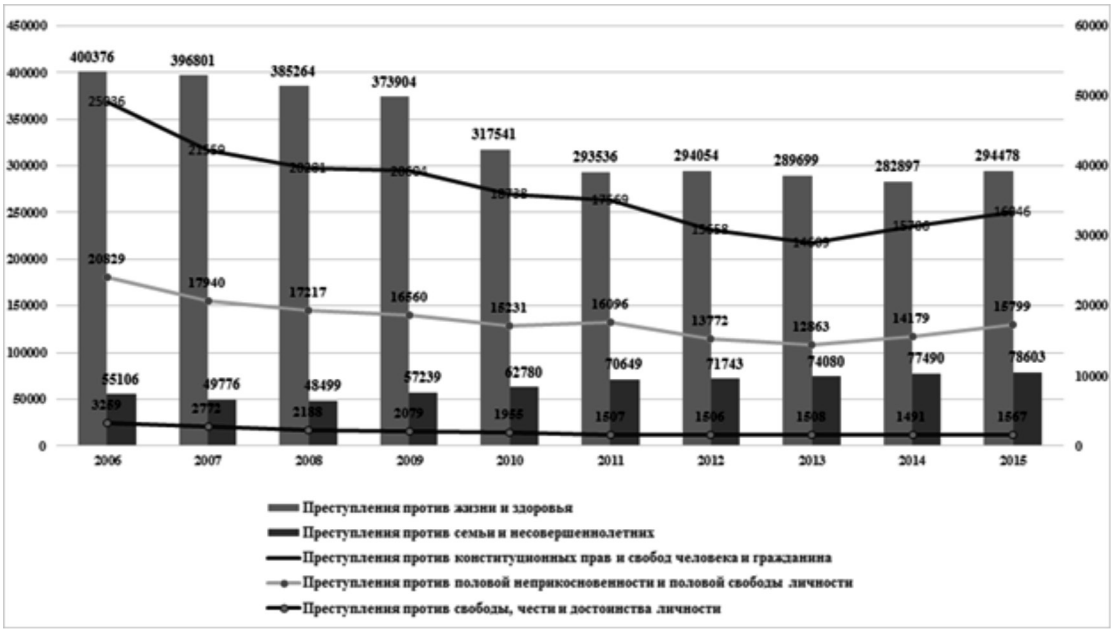

Рис. 2. Динамика отдельных видов преступлений против личности в 2006–2015 гг.

Это также почти в 2 раза ниже уровня последнего «спокойного» года существования СССР, 1990 г., когда было зарегистрировано убийств — 21 тыс. Аналогичные тенденции наблюдаются и в динамике преступных причинений тяжкого вреда здоровью[2].

Несмотря на рост количества зарегистрированных преступлений экстремистской направленности и террористического характера (рис. 3), *угрозы экстремизма и терроризма в целом снизились*. Ведь увеличение количества указанных преступлений связано отнюдь не с ростом количества терактов и экстремистских демонстраций, увеличением жертв идеологически мотивированного насилия, а с расширением юридических трактовок террористической и экстремистской деятельности (например, с криминализацией их финансирования, демонстрации нацистской символики, размещения экстремистских материалов в сети Интернет). Речь идет об усилении профилактики терроризма и экстремизма — борьба ведется не только с собственно идеологически мотивированным насилием, но с подготовкой к такому насилию.

В то же время резко сократилось количество *резонансных преступлений* указанного вида. После опасных событий 2011–2013 гг., когда внесистемная оппозиция смогла на короткое время повести за собой значительное количество граждан, уровень протестных выступлений политического характера снизился. Самое

[2] Правда, в этом уменьшении угроз жизни и здоровью россиян — заслуга отнюдь не только МВД. Отмеченное снижение во многом связано с повышением уровня жизни россиян в 2000-е гг. Ситуация может снова осложниться, если кризисные явления в экономике окажутся слишком затяжными.

Рис. 3. Динамика преступлений террористического характера и экстремистской направленности в 2006–2015 гг.

крупное протестное выступление последнего года — прошедшие с ноября 2015 г. по февраль 2016 г. во многих регионах России акции протеста дальнобойщиков — имело сугубо экономический характер.

Следует, конечно, подчеркнуть, что резкий спад резонансных проявлений терроризма и экстремизма не означает их нейтрализации. К сожалению, сохраняется популярность идей так называемого радикального ислама — идей, разжигающих межконфессиональные и межэтнические конфликты. Сохранилась и угроза деструктивной «цветной революции», поскольку остались объективные поводы к массовым протестным выступлениям. Тем не менее, исламистский экстремизм (терроризм) и деструктивная «цветная революция» в настоящее время ушли из сферы реально-актуальных в сферу потенциально-актуальных угроз.

Следующая очень болезненная для общества сфера — это *преступления, совершаемые мигрантами и против мигрантов*. И здесь удалось добиться важного позитивного качественного сдвига. Если 10–15 лет назад нелегальная миграция примерно в 2 раза превышала легальную, то сейчас — наоборот, легальная миграция в 2 раза превышает нелегальную. В российском законодательстве и в хозяйственной практике появилось такие институты как миграционный учет и патенты, что упростило использование иностранной рабочей силы и вывод ее из теневого сектора экономики. Хотя преступность, связанная с мигрантами, остается относительно высокой, нельзя отрицать существенных успехов в этой сфере.

Важных успехов удалось добиться также в *обеспечении безопасности дорожного движения*. Это направление обеспечения безопасности граждан долгое время казалось второстепенным — «дураки и дороги» считаются извечным проклятием России, так что существенное количество жертв ДТП рассматривалось как обыденная реальность. Между тем только в течение прошедшего 2015 г. на дорогах России погибли более 20 тыс. человек — в полтора раза больше ежегодно регистрируемых убийств. Поэтому новая государственная политика в сфере дорожного движения хотя и не привлекла большого внимания СМИ, но дала гораздо более высокое число сохраненных жизней, чем антитеррористическая политика. Хотя за последние 10 лет российский автопарк вырос более чем на 50%, число погибших в ДТП сократилось почти на треть. Такое *качественное снижение жертв дорожного движения* обусловлено в первую очередь профилактической работой на основе использования высокотехнологических средств контроля — внедрения системы фото-видеофиксации нарушений правил дорожного движения. В частности, в 2015 г. в России выявлено более 80 млн правонарушений в дорожном движении, более половины — именно с помощью автоматических средств фото-видео-фиксации. В результате, хотя правонарушений на дорогах выявляется больше, водители ведут себя осторожнее и гораздо реже попадают в катастрофические ДТП.

Отмеченные положительные тенденции являются в значительной степени следствием концентрации усилий органов внутренних дел России на *превентивном противодействии преступлениям*, на *пресечении преступлений на стадии их приготовления или покушения*. Хорошо работающая полиция должна тратить основные ресурсы не столько на расследование уже совершенных преступлений, сколько именно на профилактику их совершения. В связи с этим следует обратить внимание, в частности, на большое значение принятого 23 июня 2016 г. Федерального закона № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

2. Новые криминальные вызовы и угрозы

Проблемы обеспечения личной безопасности и защиты собственности россиян связаны во многом с *новыми криминальными вызовами и угрозами*. В российской преступности начинают играть большую роль ее разновидности, связанные с новыми высокими технологиями и с новыми «правилами игры», в то время как, по справедливому замечанию одного из ведущих отечественных криминологов В. Овчинского, «основная полицейская мощь по-прежнему обращена в прошлое». Что же касается новых криминальных вызовов и угроз, то их пока даже трудно адекватно оценить, поскольку ведомственная статистика нацелена в первую очередь на учет «старых» видов преступности.

Одним из главных компонентов новых криминальных вызовов и угроз являются *преступления в сфере компьютерных технологий* (киберпреступность).

Речь идет, прежде всего, об *экономической киберпреступности*. Это — и мошенничество с кредитными картами в режиме онлайн, и хищение личных данных, и хищение денег с банковских счетов граждан с использованием возможностей «мобильного банка», и т.д. По данным ЦБ России, только за полгода с октября 2015 г. по март 2016 г. потери российских банков от хакерских атак превысили 2 млрд руб. От атак на банкоматы банковских организаций с использованием технологии BlackBox, по данным ЦБ РФ, лишь в первом квартале 2016 г. банки потеряли еще более 5 млрд руб. Эти суммы могут показаться не слишком крупными (в сравнении, например, с 8 млрд «неизвестно чьих» рублей, изъятых во время коррупционного скандала вокруг полковника полиции Захарченко). Однако надо учитывать, что коммерческие банки категорически не заинтересованы в распространении информации о слабой защищенности вкладов и будут скорее преуменьшать (или даже замалчивать) свои потери от хакерских атак, чем их преувеличивать. Самое главное, киберпреступность стремительно развертывается: так, в 2015 г. зарегистрировано на 66% больше преступлений, связанных с использованием вредоносных программ, чем в 2014 г. Важно также, что уровень виктимизации от киберпреступности в несколько раз выше, чем от «обычных» видов преступности. От кибератак страдают, часто не замечая этого, 17% (каждый шестой!) пользователей Интернета, в то время как, например, среди владельцев автомобилей от краж со взломом, ограблений и угонов несут потери не более 5%.

Широкое распространение получили в последние годы также пропаганда в Рунете деструктивных идей радикального ислама, а также финансирование террористических и экстремистских движений при помощи электронных денежных переводов. Эти криминальные явления нередко называют «*Интернет-джихадом*». В этой связи следует упомянуть, что, по оценкам экспертов, 70% всех вербовок в исламистские сообщества производится именно через информационные сети.

Второй важный компонент новых криминальных вызовов и угроз связан с ростом в крупных городах среды (анклавов) инокультурных мигрантов и, как следствие, *этнической преступности*. Это — результат большого притока эмигрантов в Россию, прежде всего, из стран Средней Азии и Закавказья, отчасти — внутренней миграции из СКФО в другие регионы России.

На примерах уже не только зарубежных стран, но и самой России мы наблюдаем этнизацию ряда профессий, рост этнического предпринимательства, этнической преступности и этнических ОПГ. На территории России, по оценкам экспертов, в последние годы находится 12–15 млн мигрантов, т.е. они составляют примерно 10% населения страны. Среда инокультурных мигрантов, генерирующая этническую преступность, имеет примерно такие же масштабы. Доля этнической преступности в общем массиве зарегистрированных преступлений относительно невелика (обычно ниже, чем доля инокультурных мигрантов в населении), однако эти преступления часто становятся резонансными, резко снижая у русскокультурного большинства ощущение безопасности. Особенно опасна ситуация в крупных городах: например, в Москве только на иностранных граждан в 2015 г. пришлось 9% зарегистрированных преступлений. Среди этнических мигрантов и этнических ОПГ растет влияние радикального ислама, этнические ОПГ контролируют и нелегальную миграцию, и героиновый наркотрафик. Между тем иноэтническая среда продолжает оставаться во многих аспектах «серой зоной» — сферой, мало (или не-) доступной для наблюдения полиции.

Третий компонент новых криминальных вызовов и угроз связан с *экономическими преступлениями и связанной с ней коррупцией*. Строго говоря, новой эту угрозу назвать трудно, про хозяйственный обман и коррупцию в России пишут уже не одно столетие (достаточно вспомнить хотя бы «Ревизора» Н.В. Гоголя). Однако в последнее десятилетие у этой проблемы появились относительно новые оттенки.

С одной стороны, за последние 10 лет количество зарегистрированных преступлений экономической направленности сократилось более чем в 4 раза. Во многом это связано с уста-

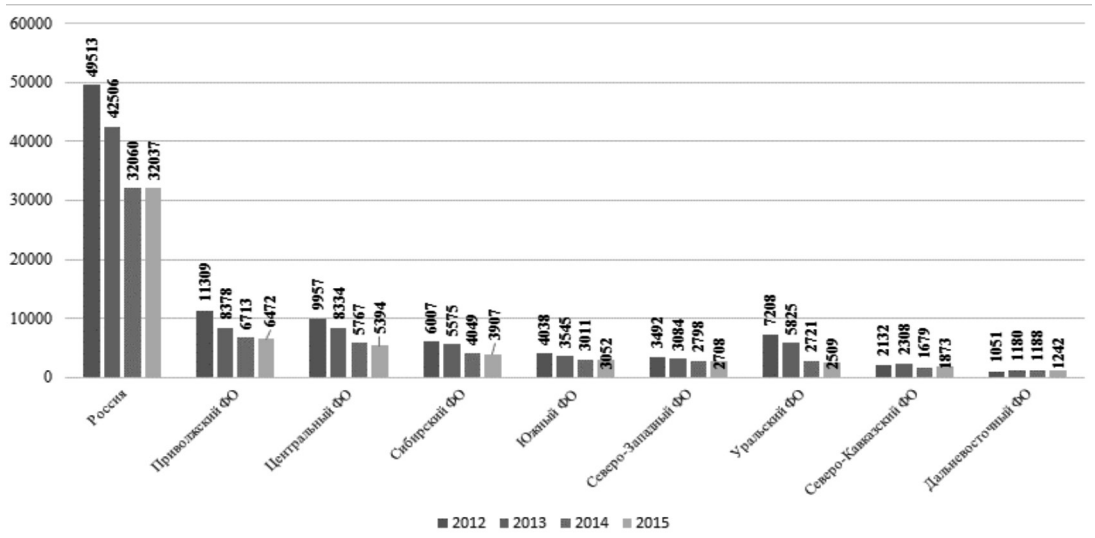

Рис. 4. Динамика преступлений коррупционной направленности в 2012–2015 гг.

новкой «прекратить кошмарить бизнес», более взвешенно и в строгом соответствии с законом подходить к возбуждению уголовных дел и привлечению к уголовной ответственности за экономические преступления. Тенденция к снижению хорошо заметна и по преступлениям коррупционной направленности (рис. 4).

С другой стороны, системная криминализированность бизнеса и коррупция власти остаются, по мнению многих экономистов, главными тормозами развития российского общества. Обвинения в коррупции, независимо от их обоснованности, легко становятся поводом для протестных выступлений. В этой связи уместно вспомнить, что «цветные революции» (включая и события на Украине в 2014 г.) всегда проходят под именно антикоррупционными лозунгами (хотя далеко не всегда приводят к снижению коррупции).

Новым является не только рост общественной опасности, но и повышение сложности экономических и коррупционных преступлений. Даже если преступников удается выявить и осудить, трудно добиться исполнения наказаний в виде штрафов. Так, в минувшем 2015 г. размер причиненного материального ущерба по оконченным уголовным делам составил 267 млрд руб., а обеспечено возмещение ущерба на сумму лишь 104 млрд руб. (менее 40%).

Еще один важный и относительно новый фактор — это рост институционализированности коррупции среди предпринимателей, крупных чиновников и политиков. Примерно 2/3 осужденных в России в последние годы за коррупцию — это мелкие взяточники, изобличенные в получении взяток на «смешную» сумму менее 10 тыс. руб. Что же касается так называемой «сетевой» коррупции, основанной на связях, вхождении в элитные группы, системах «откатов», то ее выявляют и наказывают существенно реже, хотя для общества она гораздо опаснее. Поэтому в российском обществе сформировалось устойчивое (хотя и не во всем верное) представление о безнаказанности экономических и коррупционных преступлений. Снижение зарегистрированных коррупционных преступлений воспринимается поэтому не как успех (преступлений стало объективно меньше), а наоборот — как провал (с преступлениями стали меньше бороться). Этот стереотип общественного сознания — мощный потенциал для «взрыва» массовых протестных настроений по любому конъюнктурному поводу.

Все три перечисленные тенденции связаны не столько с успехами (провалами) в организации работы МВД России, сколько с общими тенденциями системного социально-экономического развития. Рост киберпреступности — результат глобального перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Если сто лет назад «технически продвинутые» преступники грабили банки на автомашинах и с автоматами, то теперь для ограбления им оружие вообще не нужно. Рост этнической преступности — это плата за формирование глобального рынка труда и мультикультурализма. Если в прошлом веке трудовой мигрант в «чужой» стране чувствовал себя беззащитной одиночкой, то теперь он опирается на «свою» диаспору и считает нормальным создавать иноэтнические кварталы-«чайнатауны». Наконец, институциональная коррупция пышно расцветает почти во всех странах догоняющего развития, где возглавляющая модернизацию элита мало подконтрольна гражданскому обществу.

3. Российская полиция в условиях новой криминальной реальности

Перечисленные в предыдущем разделе новые факторы криминологической ситуации можно назвать «*новой криминальной реальностью*». Этот термин производен от родившегося в прошлом году понятия «новая экономическая реальность», предложенного для обозначения новых (менее благоприятных) условий национального развития в условиях современных глобальных вызовов[3]. Оба понятия тесно сопряжены: новая криминальная реальность — прямое следствие новой экономической реальности.

Современная криминологическая ситуация — это не только рост новых криминальных угроз и вызовов, но и *новые условия (в том числе, новые возможности) служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов.* В значительной степени данные условия связаны, безусловно, с начавшимся в 2014 г. экономическим кризисом. Но есть и другие проблемы, которые проявились еще до кризиса.

Прежде всего, российская полиция — как и вся Россия — работает в условиях «*жестких бюджетных ограничений*». Эти ограничения вынуждают сокращать штаты, не позволяют в достаточной степени улучшать оплату и условия работы. Самое главное, в силу умеренных экономических прогнозов, в ближайшие год-два, скорее всего, существенных изменений не произойдет.

Но главное ограничение в организации правоохранительной деятельности — это не финансы, а *нехватка качественных кадров.* К сотрудникам МВД предъявляют высокие профессиональные требования (знания, ответственность, профессиональные риски, перегрузки), а их оплата в сравнении со специалистами в бизнес-секторе не велика. В результате в полицию неохотно идут работники с высокой квалификацией. Остро не хватает сотрудников, обладающих специальными компьютерными знаниями и навыками для противодействия киберпреступности. Среди полицейских мало сотрудников, способных работать в иноэтнической среде, знающих на хотя бы элементарном уровне языки мигрантов. Среди сотрудников МВД не хватает тех, кто способен эффективно бороться с деловой коррупцией, поскольку это требует специальных бизнес-знаний.

Чтобы отвечать на новые криминальные вызовы и угрозы, следует, видимо восполнять нехватку собственных кадров усилением взаимодействия с институтами гражданского общества.

Давно замечено, что государство может быть сильным, только если оно сильно «*мнением народным*». Однако обеспечение правопорядка в России серьезно страдает от недостаточной *поддержки полиции институтами гражданского общества.* У многих россиян сохраняются потребительски-завышенные требования к МВД — мол, «полиция должна *сама все* делать, а граждане — лишь пассивные потребители правоохранительных услуг». Между тем по опыту зарубежных стран видно, что полиция, отчужденная от народа, справиться с новыми криминальными вызовами и угрозами принципиально не может. Хотя МВД работает на пределе ресурсных возможностей, в российских СМИ — и в этом они отражают общественные умонастроения — во многом сохраняется установка на критику полиции.

Самое главное, организации гражданского общества, к сожалению, не часто могут и хотят практически помогать полиции. По данным опросов, лишь менее половины руководителей НКО ощущают высокую потребность в контактах с территориальными органами МВД. В Российской Федерации сейчас действуют более 160 тыс. членов ДНД (т.е. примерно 1 член народной дружины на 100 человек населения страны) и еще почти 30 тыс. членов казачьих дружин. Но потенциал взаимодействия территориальных органов МВД с дружинниками пока используется определенно не в полную силу. Симптоматичны в этой связи взаимоотношения полиции и казачества: хотя в казаках числятся по всей России сотни тысяч, число тех из них, кто регулярно участвует в совместном патрулировании, ниже на один-два порядка.

Последним по счету, но далеко не последним по значению направлением совершенствования деятельности органов внутренних дел следует назвать качественное *улучшение научного и методического обеспечения.* Речь идет об усилении практической значимости научных разработок, связанных с правовым, организационным, техническим обеспечением работы министерства. Успешное выполнение органами внутренних дел своего предназначения зависит от глубины оценки криминальной ситуации. Без этого нельзя выработать меры *упреждающего реагирования* на угрозы дестабилизации обстановки. Только точные и своевременные криминологический анализ и прогнозы позволят разрабатывать эффективные меры борьбы с преступностью.

[3] См., напр.: Медведев Д.В. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10.

New crime reality as a result of the new socio-economic conditions of development of Russia

Sitkovsky A.L.,
PhD in Law, Associate Professor,
Head of Department of Social Processes and the Development of Complex Issues of Law and Order Research Center of MIA Russian Academy of Management
E-mail: sitk-andrej@yandex.ru

Latov Yu.V.,
PhD in Economy, Doctor of Sociology, Associate Professor,
Chief Researcher of Research Center of MIA Russian Academy of Management,
Leading Researcher of RAS Institute of Sociology
E-mail: latov@mail.ru

Abstract. *General characteristics of long-term changes of the criminal situation in Russia, 2000–2010-ies. By analogy with the concept of «new economic reality» used to describe the current conditions of national economic development, proposed the concept of «new criminal reality». It is, on the one hand, the completion of overcoming the catastrophic consequences of the transformational crisis of the 1990s (the return of criminal homicide to the level of the 1980s, the decline of threats of terrorism), and on the other hand, the growth of the values of the new criminal challenges and threats. Most important among these new challenges and threats — cybercrime, the crime of migrants and institutional corruption. Stressed economic determinism new criminal threats and challenges, the growth of which is associated not so much with the failures of the Ministry of internal Affairs, as with the systemic transformation of socio-economic institutions in Russia and around the world. The article used data from the departmental statistics of the MVD of Russia.*
Keywords: *crime, factors of crime, criminological situation, «the new criminal reality».*